

РАССЛЕДОВАНИЯ ГИДЕОНА ФЕЛЛА
в серии
«ЗВЕЗДЫ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»

Ведьмино Логово
Тайна Безумного Шляпника
Восемь мечей
Слепой цирюльник
Часы смерти
Три гроба
Дело «Тысячи и одной ночи»
Не будите мертвеца
Изогнутая петля
Темные очки
Клетка для простака
Человек, который не боялся

Джон Диксон
Карр

**КЛЕТКА
ДЛЯ ПРОСТАКА**

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE PROBLEM OF THE WIRE CAGE
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Николая Тихонова
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-33058-0

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Любовь

Она сидела на диване в дальнем конце темной гостиной. Рядом с ней на столе стоял чайный сервиз с уже остывшим чаем и почти нетронутым печеньем. Хью Роулэнд навсегда запомнил, как она выглядела в это мгновение: густые светлые волосы, чуть прикрывающие мочки ушей, голубые глаза, живые и игривые, прекрасные линии стройного тела, — она, хоть и была небольшого роста, все же не казалась толстушкой. В белой блузке без рукавов, теннисных шортах и теннисных туфлях, она сидела на обитом ситцем диване, поджав под себя голые ноги. Хью Роулэнд постоянно чувствовал на себе ее пристальный, предостерегающий взгляд.

Возможно, оттого, что день стоял знойный, чувства тоже постепенно накалялись. Высокие окна были открыты в заросший сад. В гостиной царил полумрак, но за стенами дома сияло солнце. Сам предвечерний свет, казалось, дышал жаром; яркий и вместе с тем слегка приглушенный, он словно

просачивался сквозь стекло. В раскаленном сверкающем мареве не чувствовалось ни малейшего движения воздуха, листья деревьев застыли в полной неподвижности. Трава отливала неправдоподобно яркой зеленью; внезапно пролетевший воробей нарушил незыблемый покой омертвелою сада. Внизу, где терраса спускалась к деревьям, окружавшим теннисный корт, каждый лист ярко сверкал на фоне темнеющего неба.

Хью Роулэнд отвернулся от окна.

— Послушай... — резко начал он.

Девушка знала, что он сейчас скажет. После продолжительного молчания, которое наступило, когда были исчерпаны все дежурные темы, ему просто не оставалось ничего другого.

— Приближается гроза, — поспешно заговорила Бренда Уайт. Она быстрым движением опустила ноги на пол и села подчеркнуто прямо. Кровь прилила к ее лицу, и румянец ярко светился под нежной кожей. — Еще чаю?

— Нет, благодарю.

— Боюсь, что этот остыл. Хочешь, я позвоню, чтобы принесли свежего.

— Нет, спасибо. Почему ты улыбаешься?

— Я не улыбаюсь. Просто у тебя такой вид. Профессиональный молодой адвокат, собирающийся с силами.

«Да, — с горечью подумал он, — молодой адвокат с жалованьем восемьсот фунтов в год. Молодой адвокат, живущий подачками отца. Молодой адвокат,

чей единственный выходной — суббота, которая сегодня проходит так бездарно».

— Несмотря на мой профессиональный вид, — сказал он, — сейчас я должен переговорить с тобой по личному вопросу.

Он подошел и остановился перед ней. Стараясь не смотреть на него, девушка заговорила четко и отрывисто.

— Ты не знаешь, почему остальные задерживаются? — спросила она, взглянув на часы. — Я велела Фрэнку прийти в пять часов, а сейчас уже двадцать минут шестого. Он должен был захватить Китти и двигаться прямо сюда. Слышишь? Кажется, это гром. Если мы не поспешим, то у нас не хватит времени даже на гейм, не говоря уже про сет.

Хью не сводил с нее глаз:

— Ты о Фрэнке Доррансе?

— В том-то и беда с теннисом, — пожаловалась Бренда, встряхнув часы у самого уха. — Всякий раз, когда у тебя выдается свободная минутка для игры, другой никак не может, или наоборот. Понимаешь? И тебе ни за что не поиграть. Вот здорово было бы, если бы Ник изобрел теннисный робот, как он обещал, — механизм или куклу, все равно, лишь бы отбивал удары, — тогда можно играть одной.

— Не знаю, так ли уж это здорово.

— Конечно здорово. Обычные «возвратки» не так уж и хороши, правда? Я имею в виду те, у которых мяч прикреплен к резиновому шнуру. Ты ударешь и...

— Я просто упрямая свинья, — мрачно сказал Хью и сел рядом с ней на диван.

Пружины заскрипели. Несмотря на душную, чреватую грозой погоду, он был в твидовом пиджаке, с шелковым шарфом вокруг шеи. Прикидываясь совершенно безразличной, Бренда слегка отодвинулась, но ее рука по-прежнему касалась рукава его пиджака. Даже этот эфемерный контакт приводил Хью в смятение и мешал высказать то, что он собирался.

Однако, хотя ситуация, начинавшая приобретать сугубо личный характер, и могла затуманить его сознание, он все же сохранил способность к аналитическому мышлению. Бренда вовсе не кокетничала. Кокетство было чуждо ее природе — она, скорее, презирала кокеток. Она, конечно, знала, что Хью ее любит. Каждый ее жест, каждый взгляд, каждое, казалось бы, ничего не значащее слово подтверждали это. Но сколь бы неинтересным, отталкивающим или даже комичным ни находила она данное обстоятельство, это еще не причина такого ее отношения ко всему, что касается Фрэнка Дорранса, и Хью всеми способами пытался понять, что за этим кроется.

— Я всего лишь хочу задать тебе один вопрос, — сказал он. — Невесте на него нетрудно ответить. Ты намерена пойти до конца и выйти замуж за Фрэнка Дорранса?

— Разумеется.

— Так ты в него влюблена?

— Что за вопрос!

— Ладно, пойдем дальше. Он тебе нравится?

Вместо ответа, Бренда лишь слегка повела плечом. Сложив руки на коленях, она смотрела мимо него на солнечное сияние за окнами.

— Начнем с того, — упрямо продолжал он, — что моим признанием я никого не предаю. Фрэнк знает, что я терпеть его не могу, и этот факт доставляет ему явное удовольствие. Я его предупредил, что намерен признаться тебе...

— Хью!

— Значит, все решено. А теперь взвесим все за и против этого замечательного брака. Полагаю, следует признать, что Фрэнк привлекательный молодой человек...

— Ужасно привлекательный, — согласилась Бренда.

Она лгала. Распознавать ложь входило в его профессиональные обязанности, поэтому Хью сразу понял, что ничего подобного она не чувствует. В ее голосе прозвучала едва уловимая нотка, которая тут же пропала, — но Хью ее услышал.

Хью Роулэнд почувствовал такое облегчение, что едва не задохнулся. Ведь именно это его и тревожило. До сих пор он не был полностью уверен в Бренде. Пожалуй, девять девушек из десяти сочли бы Дорранса неотразимым. Фактически Фрэнк и сам подчеркивал это с мальчишеским высокомерием и нахальством, которые большинству кажутся столь привлекательными. Что бы Фрэнк ни говорил, он всегда улыбался, и потому любые выражения сходили ему с рук. Фрэнк — двадцатидвухлетний баловень судьбы, никогда не попадавший в глупое положение.

Бренда... сколько же ей? Двадцать семь? Хью Роулэнд полагал, что так, хотя никогда особо не задумывался: во всяком случае, года на два, на три меньше, чем ему самому. Двадцать семь. Очаровательная девушка, которую двадцатидвухлетний Фрэнк Дорранс всячески старается поставить на место.

Именно это последнее обстоятельство и побудило Хью перейти в наступление.

— Значит, ты выходишь за него замуж по той же причине, по которой он женится на тебе, — из-за денег Нокса.

— Возможно, и так.

— А возможно, и нет?

Ее ответ последовал с такой поразительной быстротой, что он в недоумении подумал, не заготовила ли Бренда его заранее.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я не верю тебе.

Бренда опять заговорила, но как-то нерешительно:

— Ах, пожалуйста. Не иначе как погода привела нас обоих в такое настроение. Но *ты* не должен делать из меня идеал, прежде всего *ты*.

— Идеал здесь ни при чем, совсем ни при чем. Боже мой, конечно же нет! Ладно, забудем об этом и посмотрим на вещи с практической точки зрения. Почему я должен осуждать тебя, если ты выходишь замуж за деньги? Вполне разумная причина для замужества — но лишь при том условии, что женщине хотя бы нравится ее будущий муж.

— Конечно. — Она слегка повернула голову и поспешно добавила: — Ты этому веришь?

— Да. — И все же он решил высказаться начистоту: — Нет, будь я проклят, если верю. Как ни странно, я разделяю старомодное убеждение, что для замужества необходима хоть малая толика великой страсти. Ладно, бог с ней, со страстью, она не всегда подчиняется разуму, я готов признать, что деньги — более чем достаточная причина для замужества, но при условии, что будущий муж по крайней мере нравится тебе и вы сумеете поладить. Но в том-то и дело — мне начинает казаться, что Фрэнк тебе абсолютно безразличен. Ты его вовсе не любишь.

— Неправда. Но продолжай.

— Так вот, условия тебе известны. Если ты примешь деньги по завещанию Нокса, то исключен не только развод, но даже раздельное проживание. Разве можешь ты, такая практичная, рассчитывать на счастливую семейную жизнь?

— Навряд ли, — спокойно призналась Бренда. — Но я никогда и не надеялась на счастливый брак, если такие вообще существуют.

Она посмотрела на него через плечо. В ее голосе не было ни капли цинизма. Она всего-навсего констатировала то, что, по ее убеждению, являло собой непреложную истину.

— Наверное, жара виновата, — сказал Хью после некоторой паузы, во время которой она не дрогнув выдерживала его взгляд. — Все это вздор, слышишь? *Вздор!* Что на тебя нашло?

— Возможно, в девяти случаях из десяти это действительно вздор. Но не в моем. К тому же, если я не выйду за Фрэнка, все очень усложнится. Ник страшно расстроится. Даже Фрэнк расстроится.

— И все же я не понимаю, — сказал Хью после еще одной паузы. — Ты ведь не выходишь замуж лишь затем, чтобы не испортить настроение честной компании?

— Мне и самой хотелось бы это знать.

Бренда повернулась и посмотрела в лицо Хью. Казалось, она мучительно старается что-то объяснить не только ему, но и себе самой. Ее голова была на уровне его плеча, взгляд устремлен куда-то вдаль, но никогда прежде не ощущал он ее близость столь остро.

— Да, хотелось бы мне знать, сколько людей женились и выходили замуж, чтобы не испортить настроение честной компании. Впрочем, не важно. Хью, тебе следует кое-что знать. Я понимаю: ты считаешь меня взбалмошной дурой. И если бы ты был похож на Ника, — она обвела взглядом гостиную доктора Николаса Янга, которого в данный момент здесь не было, — то принялся бы рассуждать о комплексах, депрессии, неврозах и посоветовал бы мне обратиться к психоаналитику. Странно, но сейчас я ощущаю в себе нечто подобное. Не могу от этого избавиться, не могу. Тебе обо мне что-нибудь известно?

— Нет.

Бренда кивнула.

— Спасибо, — выпалила она, словно бросаясь в воду. — Спасибо за то, что ты не произносишь слов типа: «Известно все, что мне надо знать» — или других, столь же приятных и бессмысленных. Терпеть не могу эти фальшивые любезности. Во всяком случае, когда они неуместны. Я их вдоволь наслушалась.

— Ты понимаешь, что говоришь как желчная восьмидесятипятилетняя старуха?

— Ах нет, я имею в виду вовсе не собственный опыт. Не бойся! Ко мне это не относится. Я имею в виду, что видела фальшь практически во всех, с кем встречалась начиная с шестилетнего возраста. Так ты ничего про меня не знаешь?

Лицо ее так напряглось, что Хью ощутил неловкость.

— Ну, я знаю, что твои родители умерли, что ты живешь здесь, в доме Ника, ожидая, пока зазвонят свадебные колокола.

— Мой отец застрелился в одном нью-йоркском отеле, — сказала Бренда, — а мать умерла в пансионе в Борнмуте, перебиваясь на тридцать шиллингов в неделю. Нет-нет, подожди, теперь это уже не важно. Я вовсе не хочу, чтобы ты думал, будто я делаю из всего этого трагедию. Я хотела рассказать о их жизни. Все их друзья были похожи на них. Ну, знаешь — Красавец Джек и Прелестница Салли.

— Продолжай.

— Красавец Джек и Прелестница Салли, — повторила Бренда. — Меня таскали по всему миру,

когда мне еще не было и семи. Мои самые ранние воспоминания — оглушительный гам и ослепительное сияние континентальных отелей и липкие от косметики лица, которые мелькают вокруг. Меня либо баловали напропалую, либо вовсе не замечали. Я слишком многое слышала, слишком много размышляла, слишком много видела. Страшнее всего было лежать без сна в темной комнате, когда все думали, будто я сплю, и слышать, как отец оправдывается в соседней спальне, а мать кричит на него, как рыночная торговка.

Красавец Джек и Прелестница Салли. Десятки и десятки подобных им — и все похожи на нас. Люди с мизерными доходами и безграничными запросами; и все думают, что хоть они и бедны как церковные мыши, но имеют право на все лучшее. Либо проводить сезон в самых фешенебельных местах, либо умереть. Они развлекаются, залезая в долги и придумывая бесконечные оправдания, но, по сути своей, они лживы, ничтожны, лицемерны и, оставаясь наедине с себе подобными, изливают друг на друга накопившуюся желчь. И все потому, что снаружи они «очаровательны». О, как я ненавижу это слово! А мужчины, которые ухаживают за матерью... я вдруг узнаю, что «дядя Джо» пришел лишь затем, чтобы подарить мне игрушечного медвежонка, но не перестаю гадать, о чем они разговаривают в соседней комнате, пытаюсь хоть что-то понять, но только запутываюсь и пугаюсь, сама не зная почему.

Бренда ненадолго замолкла.

Она выпрямилась на диване, обхватила колени руками и тряхнула головой, словно останавливая себя. Когда она снова заговорила, голос ее звучал, как обычно, холодно и бесстрастно:

— Прости, что я говорю обо всем этом. Ты прав, виной всему жара. И если меня оставили наедине с человеком, с которым так легко разговаривать, то ничего не поделаешь. — Она улыбнулась.

— Бренда, послушай...

— Пожалуйста, не надо.

— Тебе необходимо выговориться, необходимо освободиться от этого груза. Сбрось его.

— Да, — сказала Бренда и снова улыбнулась. — Я всегда строила из себя своего парня, разве не так? Делала вид, будто на уме у меня один теннис. Фрэнк очень бы удивился. Но право, больше рассказывать не о чем. — Она помедлила, слегка сжав губы. — Но одна вещь настолько запала мне в душу, что я долгие годы не могла забыть о ней. Это продолжалось до тех пор, пока я не повзрослела и не поняла. Я называла это «сном про темную комнату», только то был не сон, — во всяком случае, я никогда не была уверена, что это сон. Я находилась в том неопределенном состоянии, когда не знаешь, спишь ты или бодрствуешь. Я лежала в своей комнате, дверь в соседнюю освещенную спальню была открыта, и до меня вдруг начинал доноситься разговор родителей. Я просыпалась от их голосов. Из ночи в ночь я слышала эти тонкие, призрачные голоса. Всякий раз я знала, что услышу что-то новое и очень страшное

для ребенка, но всегда об одном и том же. «Что с нами будет? Что с нами будет?» Всегда про деньги, деньги, деньги, деньги — и в конце концов я возненавидела само слово «деньги».

Она вновь овладела собой.

— Как правило, дети слышат достаточно. Я же слышала слишком много. Даже сейчас иногда... Ну да ладно, оставим это. Какова же мораль моей истории, Хью? Ты говоришь о любви...

— Я пока не говорил о любви, — возразил Хью, — хоть и собирался.

Она слегка покраснела:

— Не говорил? А я думала, говорил. Как ты полагаешь, какую толику чувства, которое ты называешь любовью, питали друг к другу мои родители? Или все эти Красавцы Джеки и Прелестницы Салли? Предположим, когда-то они любили друг друга. Но кончили тем, что возненавидели и умерли от жалости к самим себе. А почему? Из-за денег, денег, денег, денег, которые я считаю отравой, но не осмеливаюсь пренебрегать ими. Я выхожу за Фрэнка Дорранса по той же причине, по какой он женится на мне: чтобы получить деньги старика Нокса и навсегда избавиться от опасности. Теперь тебе все известно. Ты меня осуждаешь?

Бренда соскользнула с дивана, мелкими шажками торопливо подошла к одному из окон и остановилась, глядя на пламенеющий в лучах солнца сад. К востоку, в стороне Хампстед-Хита, прокатились глухие раскаты грома. Казалось, Бренда хочет смелить тему. Но не может — разговор слишком волнует ее.

— Итак? Ты ничего не хочешь сказать? Ты меня осуждаешь?

— Нет. Но я по-прежнему считаю, что ты собираешься сделать глупость.

— Почему?

Хью внимательно изучал свои ладони, сжимая и разжимая пальцы.

— Это похоже на краткое резюме судебного дела: надо найти единственно нужные слова, — сказал он. — Если твои родители были именно такими, какими ты их описала, деньги были для них превыше всего. Для тебя же деньги не главное. И ты это знаешь.

— В самом деле?

— Да. Фактически деньги не играют здесь никакой роли. Ты сделала насилие над собой, убедила себя в том, что должна выйти за Фрэнка. Я много бы дал, чтобы узнать почему. Неужели ты не понимаешь, что, выйдя за Фрэнка Дорранса, ты станешь женой очередного Красавца Джека?

— Возможно.

— Другими словами, ты свяжешь себя именно с тем, что ненавидишь больше всего?

— Возможно.

— Так зачем же, во имя разума, ты это делаешь? Ты не можешь так поступить, Бренда. Клянусь Богом, это недостойно!

Он поднялся с дивана, толкнув при этом стол, отчего чайный сервиз громко задребезжал. Бренда по-прежнему стояла у окна спиной к Хью; яркое солнце освещало ее волосы и гладкую перламутровую

кожу. С каждой секундой они приближались к неизбежному.

Однако, ударившись локтем о стол, Хью вдруг спросил себя, почему доктор Николас Янг не вышел к чаю и почему их оставили наедине в столь опасное время. В любую минуту в гостиную мог приковылять старый Ник и разразиться потоком полшутливых обвинений в том, что Хью пытается разрушить счастливый брак. И Ник был бы вправе так говорить, поскольку лелеял Фрэнка Дорранса как зеницу ока. Старый Ник вообще любил окружать себя молодежью. Гордился, что его дом всегда полон молодых людей, а стол ломится от блюд, которых не съесть и в три года, — но при этом каждый должен был подчиняться его прихотям, в противном случае рисковал подвергнуться суровому наказанию. «Торопись, — мелькнуло в голове Хью Роуланда, — торопись, торопись, надо спешить».

— Уже все улажено, — начала Бренда.

— Да. Я знаю. Китти Бэнкрофт будет посаженной матерью, Ник станцует сарабанду, а призрак Нокса благословит вас, даже если шафером буду я.

— И что же мне делать?

— Например, ты могла бы выйти замуж за меня, — сказал Хью.

Они замолкли, словно натолкнулись на неожиданную преграду. Хью ждал: шарф на его шее вдруг сделался слишком тугим и горячим.

— Я не собираюсь плакаться и жаловаться на бедность, — сказал он. — Во всяком случае, у нас будет на что жить, если тебя это беспокоит. Я люблю

тебя уже четыре месяца и восемнадцать дней. Полагаю, тебе это известно?

— Да, известно, — кивнула Бренда, не оборачиваясь.

— Если господа присяжные заседатели желают удалиться для вынесения приговора, — продолжал Хью, и шелковый шарф горячим жгутом жег его шею, — слушание дела откладывается до их возвращения. Однако, если есть возможность вынести приговор, не покидая зала...

— Спасибо, Хью, но я не могу этого сделать.

— Ну что же, значит, так тому и быть. — Он неожиданно почувствовал гнев и резкую боль, словно от удара. «Сам напросился, — сказал он себе, — пришел, напросился и получил. Что ж, поделом». Но смириться он не мог. — Всегда полезно знать, на каком ты свете. Сказать тебе правду? Больше всего меня беспокоило, что в глубине души ты все-таки любишь Фрэнка...

— Ах, Хью, не будь таким дураком!

— Я? Дурак? Пожалуй, да. Но это действительно Фрэнк? Я только... хм... думал, нет ли другого кандидата на твои милости в случае...

Их разделяла комната. Он обернулся и увидел, как вспыхнуло ее лицо. Она прикрыла глаза от солнца и быстро направилась в его сторону.

— Ты такой ужасный дурак, какого трудно себе представить, — четко проговорила Бренда глухим, низким голосом.

Она опустила глаза, но Хью чувствовал, что все ее существо дышит гневом.

Карр Дж. Д.

К 26 Клетка для простака : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. Н. Тихонова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-33058-0

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

В 1933 году в романе «Ведьино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. «Клетка для простака» (1939) — одиннадцатая по счету история о приключениях хитроумного детектива.

Фрэнк Дорранс из тех, кого называют «баловень судьбы»: он богат, привлекателен, самоуверен, и девять девушек из десяти наверняка сочли бы его неотразимым. Но его невесте Бренде, кажется, выпала роль последней в этой статистической десятке, да и постоянное присутствие рядом еще одного влюбленного в нее мужчины не упрощает ситуацию. Можно было бы предположить, что этой банальной истории любовного треугольника суждено закончиться так, как обычно заканчиваются большинство из них. Если бы не убийство...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
КЛЕТКА ДЛЯ ПРОСТАКА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.06.2026.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-MCD-42484-01-R